

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И НАЛОГОВАЯ ПРАКТИКА НА ВЯТКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается фискальная политика и налоговая практика в Вятском крае в первой половине XVIII века, в том числе использование армейских команд для изъятия податей с населения.

Ключевые слова: Россия, XVIII век, история Вятского края, фискальная политика и реальная налоговая практика.

Территория Вятского края в XVIII веке обнимала собою обширный район северной части России в бассейне реки Вятки, примыкая на юге и северо-востоке к бассейну реки Камы, а на востоке по притоку Вятки рекой Чепцой к северо-западному Приуралью. Северной границей края служил водораздел между реками Юг и Луза. Притоки Вятки – Великая, Молома, Кобра связывали по притокам Северной Двины – Сысолой, Лузой, Югом край с Поморьем. Таким образом, разветвленная водная сеть обеспечивала благоприятную возможность для экономических и демографических контактов с Уралом, Западной Сибирью, Башкирией, Поволжьем и центром страны. При проведении губернской реформы в 1708 г. Вятский край был отнесен к Сибирской губернии, в составе которой он находился до 1727 г. С этого времени он вошел в Казанскую губернию как одна из ее провинций. Подобно другим регионам европейского Севера в периоды Средневековья и раннего Нового времени, Вятский край отличался преобладанием среди населения черносолошного (с XVIII века – государственно-го) крестьянства, сосредоточенного в Хлыновском, Слободском, Шестаковском, Орловском, Котельничском, Кайгородском уездах.

Изученные источники, извлеченные из фондов Российского государственного архива древних актов – Сената, Камер-коллегии, Домочной канцелярии, Казанской губернской и Вятской провинциальной канцелярий позволяют исследовать основные аспекты фискальной политики и налоговой практики на Вятке в первой половине XVIII столетия с учетом их как общероссийских черт, так и региональной специфики.

¹ Комиссаренко Аркадий Иванович, доктор исторических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, arkdiy109@rambler.ru; Россия, г. Москва.

Государственная власть абсолютистской России рассматривала население Вятского края — черносошных крестьян и посадских людей, прежде всего как источник пополнения казны через налоги и армии посредством рекрутских наборов. В первой половине XVIII в. подушная подать и оброчные сборы, введение паспортной системы, жесткая регламентация миграции и отхода на заработки стали важнейшим стержнем внутренней правительственной политики [1; 2]. На Вятке проведение указанного курса было вменено в обязанности провинциального воеводы, чиновников административных учреждений и сборщиков налогов. Им в помощь придавались воинские команды, применявшие к неплательщикам меры принуждения — батоги, плети и даже оружие. Касаясь уровня фискальных повинностей вятского населения и степени их выполнения в первой половине XVIII в., отметим наиболее значимые явления и факты.

В первое десятилетия этого столетия с интенсификацией в условиях Северной войны правительственных мероприятий по укреплению обороны страны, связанных с мобилизацией рабочих людей на строительство заводов на Урале, новой столицы — Петербурга, крепостей на юге и юго-западе, произошел массовый отток крестьян Вятки в северное Приуралье, Урал и Сибирь. Переписная книга Филипповой слободки и Ошланской волости Хлыновского уезда 1706 г., составленная по указу Ратуши приехавшим из Москвы бурмистром Иваном Кудриным и вятчанами — бурмистром Михаилом Пашкиным, земским старостой Федором Сунцовым «с товарищи», зафиксировала 468 пустых дворов. Из 210 дворов (44,9 %) владельцы ушли «безвестно» или «сбегли с Вятки». В ряде случаев указана и конкретная причина запустения дворов формулой — «от набора солдатства збег с Вятки». Побегι участились и в связи с набором рабочих людей к «городовой службе» на строительство фортификационных сооружений в Архангельске и Таганроге². В немалой степени отток вятского населения был вызван и введением в 1706 г. сбора с жителей вятских уездов, помимо несения ими традиционного тягла, дополнительных денег на содержание ямских станций на новом тракте Москва — Петербург (по 1 руб. с выги), «устройство» Устюжского драгунского полка (1408 руб.), покупку провианта и фуража для гарнизонов крепостей, «строение фузей и пистолей»³. В 1715 г. в Слободском уезде были обнаружены 27 человек, прежде бежавших от набора в рекруты. Их отослали в Москву вместе с взятыми с волости «штрафными» 148 руб. В Хлыновском уезде таковых оказалось больше — 66 человек, хотя «штрафнею» сумму удалось собрать меньшую — 46 руб. 11 коп.⁴ В ходе проведения

² РГАДА. Ф. Поместного приказа. № 1209. Оп. 1. Кн. 1097. Л. 1–31 об., 115.

³ РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 1. Кн. 154. Л. 208, 342 об., 713, 760–769 об., 848, 1107.

⁴ Там же. Л. 438–438 об.

первой ревизии в 1724 г. взыскано на Вятке с пропущенных при переписи 4006 «крестьянских и половничьих..., бобыльских» дворов, а также 1611 дворов в архиерейских и монастырских вотчинах, 2343 дворов «иноверческих татарских, бесермянских и отяцких», 3563 дворов «приписных к Вятской провинции в Кайгородке и Кунгурских городех с уезды», в Зюздинской и Колышской волостях, «да в Кунгурском уезде татарских же, черемисских, отяцких и чувашских оброчных и ясашных 656 юрт». Со всех них по окладу надлежало собрать 13195 руб. К тому же в «деревенских владениях» вятских купцов и состоятельных посадских людей имелось 1896 дворов, населенных крестьянами-половниками и обложенных «десятой деньгой»⁵.

Наблюдавшая за ходом первой подушной подати на Вятке и выполнении населением государственных фискальных повинностей команда гвардейских солдат во главе с Петром Жулебиным грозила «цепями» за медлительность в подаче в Казанскую губернскую канцелярию и Сенат подушных «сказок» и недобор денег не только волостным старостам, но и местным чиновникам, включая вятского провинциального воеводу И.В. Воронцового. Как видно из ведомости комиссара Гордея Тряпицина о реально поступивших «окладных и запросных» деньгах, вятские крестьяне и посадские люди выплатили налоги, возросшие с 1720 по 1724 год с 4468 до 10210 руб.⁶

В 30-е годы XVIII в. на население Вятской провинции была возложена новая повинность — сбор четырехгривенных денег на нужды сформировавшегося в это время лейб-гвардии Конного полка. По именному указу императрицы Анны Иоанновны от 20 декабря 1730 г. надлежало собрать с жителей вятских уездов «на покупку лошадей и на строение мундира и аммуниции ... потребных денег 9683 рубля». Тогда же с местных крестьян и посадских людей взимали деньги на «устройство... в Измайловском полку... трех баталионов и одной гренадерской роты», а также на покупку в немецких городах Киле и Любеке 1410 «строевых лошадей» и строительство «полковых квартир». В этот же период с 1731 по 1736 год в Казанской губернии, в том числе и входившей в нее Вятской провинции, проводился массовый сбор денег на ремонт крепостей⁷.

Войны «за польское наследство» (1733–1735 гг.), с Крымским ханством и Турцией (1735–1739 гг.) привели к еще большему усилению фискального пресса, что вызвало открытое возмущение вятского населения. В 1737 г. офицеры Ингерманландского полка, посланные на Вятку для «понуждения» к сборам крестьян, доносили Сенату о невоз-

⁵ РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 1. Кн. 154. Л. 440–482.

⁶ Там же. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. № 425. Оп. 2. Д. 16. Л. 47–47 об.

⁷ Там же. Ф. Сената. № 248. Оп. 7. Кн. 386. Д. 26. Л. 213.

возможности их «доимки». По словам «геодезии подпоручика» Акима Клешина, который «репортовал» сенаторам, «уездные люди крестьяня... в скудость вошли», а поэтому «при сборе с них подушных денег... збирается... близ половины суммы». Расследование причин «недоимки» выявило произвол местных чиновников — «приходчиков..., подьячих, рассыльщиков», которые насильно «берут... с них взятки», самовольно «ездят на их лошадях» без уплаты «прогонных денег», к тому же крестьян «... згоняют в мирские избы и бьют... кнутьем... и плетями, и батожьем». Оказалось, что и волостные старосты «собираемые с народа деньги удерживают за собою», а «в казну не все собранные отдают», а провинциальный воевода Скрипицын незаконно завладел черносошной деревней Пунгинской в Березовском тяглом стане, «и во оной ево воеводский скот содержит, и хлеб на него крестьяне сеют и травы косят», а «... за жителей в той деревне крестьян...подушных денег ...не платитца, и от того на тот стан доимка умножается»⁸.

По второй ревизии середины 40-х годов XVIII века на Вятке было учтено 145403 души м.п., положенных в подушный оклад. Из них 108 тысяч составляли государственные крестьяне. Общий годовой оклад с них исчислялся в 146539 руб. 40 коп. Однако полностью взыскать эту сумму властям не удалось. Более того, недоимка росла, достигнув за четверть века с 1724 г. внушительной суммы в 369948 рублей 14 копеек, тем самым превзойдя годовой оклад в 2,5 раза⁹.

Действовавшая в Казанской губернии с 1744 г. комиссия «правлящего прокурорскую должность» капитана гвардии Родионова в составе майора Колюбакина, поручика Болванова и прапорщика Левашёва, имевшая повеление Сената выяснить, «для чего оная доимка так долго упущена и не взыскана», не смогла его выполнить. Ей удалось собрать только 2250 руб. подушных денег, причитавшихся по окладу за 1749 г.¹⁰ Как видно из росписных списков вятских провинциальных воевод А. Писарева (1743–1745 гг.), Н. Чемодурова (1745–1746 гг.), И. Постельникова (1747–1750 гг.), нарастание недоимок обуславливалось в значительной степени начавшимися волнениями крестьян [3], а также частыми неурожаями. Так, в 1736 г. в вятские волости был разослан указ провинциальной канцелярии с требованием сообщить, «каковы 735 году в лето урожаем, ужином и умолотом хлеба были». Ведомости, поступившие из 22 волостей и церковных владений, свидетельствовали о массовом «недороде» зерновых культур. Например, в Курчумской архиерейской вотчине на высев ржи ушло 2160 четвертей семян, а при умолоте было собрано только 1935 четвертей. К этому можно добавить и фактор запустения пашни. Даже в многочисленных вотчинах

⁸ РГАДА. Ф. Сената. № 248. Оп. 8. Кн. 456. Д. 33. Л. 353–357, 449.

⁹ Там же. Оп. 12. Кн. 679. Д. 95. Л. 1462.

¹⁰ Там же. Оп. 15. Кн. 894. Л. 363–363 об.

Вятского Успенского Трифонова монастыря не удалось засеять 5676 десятин пашенной земли. Причина такой «пустоты» объяснялась тем, что «...которая пустота имеется..., то де за убылыми душами — умершими, беглыми, в рекруты взятыми, понеже хотя оставшие крестьяне, то старые, дряхлые и несемьянистые... выпаживать земель не вымогают».¹¹

Указанные факторы привели к несоответствию платежеспособности крестьянских хозяйств уровню возложенных на них податных повинностей. И хотя «... неплательщиков бьют батоги и содержат в колодках», крестьяне, «покиня дома свои в пуге, бегают и укрываются», доносили в Сенат члены вышеупомянутой комиссии¹².

Собираемые с таким нажимом на податное население Вятки деньги в середине XVIII в. в первую очередь предназначались на содержание государственного аппарата [4]. Сенат по доношению Камер-коллегии 5 июня 1757 г. направил Вятской провинциальной канцелярии особую «табель», по которой следовало собрать с населения и «отослать» в Петербург значительные суммы на нужды сенатских Печатной и Раскольнической контор, Ревизион- и Мануфактур-коллегий, Тайной канцелярии, Главного комиссариата, Ямской канцелярии, Троицкой пограничной таможни, Канцелярии конфискации, Цалмейстерской конторы и других учреждений Камер-коллегии, ведавшей всеми фискальными сборам в стране, предназначались 17058 рублей¹³.

Необходимость уплаты денег как «доимочных», так в особенности «недоимочных» толкала податное население к поиску источников их приобретения. Сохранился документ о курьезных способах этого. В мае 1758 г. ассессор Василий Кремнёв «репортовал» Камер-Коллегии об обнаружении в деревне Михеевской Троицкой волости Хлыновского уезда у крестьян Ивана Ковригина, Никиты и Михея Ходыревых, Козьмы Зыкина «за подем в логу корчемного вина в два медных котла с четырьма медными трубами,... в которых помянутые крестьяне вино курили». Знал об этом местный поп Семион Сингирёв, у которого «на дворе ево в... чулане в яме...два винокуренные медные котлы... и две трубы медные ж, в которых помянутые крестьяне вино курили». На допросе в Вятской провинциальной канцелярии неудачливые винокуры объясняли свой преступный поступок желанием продать вино для «изыскания» средств на уплату недоимок¹⁴.

¹¹ РГАДА. Ф. Вятской провинциальной канцелярии. № 425. Оп. 2. Д. 59. Л. 9.

¹² Там же. Оп. 1. Д. 178. Л. 85–86.

¹³ Там же. Ф. Камер-коллегии. № 273. Оп. 1. Часть I. Д. 2546. Л. 112–112 об.

¹⁴ Там же. Ф. Камер-коллегии. № 273. Оп. 1. Часть I. Д. 3437. Л. 3–3 об.

Вышеизложенное позволяет заключить, что население Вятского края, испытывая тяготы правительственной налоговой политики, оказывалось не в состоянии выпутаться из финансовой кабалы, сопряженной с корыстолюбием местных чиновников и насилием со стороны присланных из центра воинских команд. Систематическое нарастание недоимок явилось прямым следствием недостаточного экономического потенциала крестьянского хозяйств.

Литература

1. *Эммауский А.В.* Исторический очерк Вятского края XVII – XVIII веков. Киров, 1956.
2. *Колесников П.А.* Северная деревня в XVII – первой половине XIX в. Вологда, 1976.
3. *Комиссаренко А.И.* Волнения крестьян вятских духовных вотчин в 40–50-х годах XVIII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 г. Вильнюс, 1965.
4. *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966.